

СТРУКТУРА / АНТИСТРУКТУРА ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ ПОЗДНЕСОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ г. ТОМСКА)

В настоящей статье рассматривается празднование дня Октябрьской революции в позднесоветский период (1968–1984). Эмпирическая база исследования основана на материалах периодической печати города Томска. Контекст праздника изучается посредством триады «структура–гиперструктура–антиструктура», которая объясняет существовавшие в исследуемый период этапы проведения празднования. Автором ставится проблема логики конструирования и воспроизводства базовых механизмов праздничного действия на локальном материале. Актуализация работы рассматривается через ситуацию современного состояния коммеморативных пространств «травмы» и «ностальгии» относительно событий Октябрьской революции. Основные исследовательские выводы связаны с определением границы рассматриваемой триады праздничных действий и высказываний.

Ключевые слова: история СССР, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, структура празднования, дискурс, идеология, газеты, Томск.

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки РФ образовательных организаций по проекту 33.1687.2017/ПЧ «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности».

Введение. Период поздней истории СССР в последние годы стал неотъемлемой частью исследовательского интереса в различных научных направлениях и контекстах: от историков и социологов до философов и антропологов; от рассмотрения биографий отдельных личностей эпохи до изучения дискурсивных и конвенциональных практик эпохи. Различные исследовательские подходы используют всевозможные стратегии актуализации изучаемого материала. Консервативная часть научного сообщества продолжает проводить аргументацию посредством обращения к тезису о неизбежной взаимосвязи между прошлым и настоящим, которая, в случае объективного познания исторического феномена и верного понимания современного положения дел, способна стать платформой для определения дальнейшего пути стратегии в той или иной области политического или другого действия. Противники подобного подхода справедливо критикуют и принцип объективности в историописании, и возможность определение будущего через прошлое, а также множество других крайне дискуссионных утверждений. Тем не менее в исследовательском контексте, который предлагается в данной статье, более важным представляется сконструировать не максимально точную и детализированную генеалогию празднования седьмого ноября в рамках

классического принципа историзма, а попытаться понять генеалогию смысла изучаемого феномена посредством допущения, что даже статичная дискурсивная система обладает некоторыми элементами, позволяющими назвать сложившуюся ситуацию процессом. Представленный в данной статье анализ отчасти подобен структурной логике изучения мифологии, которая была предложена Клодом Леви-Строссом, хотя и на основании более актуальных на сегодняшний день теоретико-методологических принципов.

Если пойти от обратного, хотелось бы представить два противоположных мнения, которые существуют в российском политическом дискурсе относительно сегодняшних расхождений в восприятии событий Октябрьской революции, а также доводов за или против восстановления празднования указанного события.

«Если людям кажется, что в “День народного единства” надо радоваться событиям 1612 года, то пусть празднуют эту дату. Было бы гораздо правильнее, если бы правительство хотя бы поздравляло сынов Октябрьской революции. Нельзя отменять этот праздник!» [1]. Данное высказывание принадлежит Л. Ф. Пичурину (депутат Томской областной думы от партии КПРФ). Другое мнение: «О каких величайших достижениях Великого Ок-

тября при таких методах управления можно говорить, если все или почти все создавалось на крови, на насилии, на страхе? Почему эту дату важно помнить молодежи? ... Это на фотографиях с этих демонстраций народ радостно выглядит, а на деле все было совершенно по-другому» — позиция В. А. Ханевича (заведующий Томским мемориальным музеем «Следственная тюрьма НКВД»). Приведённые положения были высказаны в 2017 году. Именно приведённая поляриность мнений актуализирует настоящее исследование, поскольку тематика предполагает тесную связь изучения сочетания различных интерпретаций самого события и его празднования в рамках специфических коммеморативных стратегий, определяющих плотность воспоминания одного из центральных событий истории СССР. Исследуемый феномен, как следует из высказываний, имеет тенденцию выстраивания различных логических обоснований воспоминания событий Октября в современной России и определяет коммеморативные зоны ностальгии или травмы.

Тем не менее для настоящего исследования важнее вопрос, связанный не с генеалогией формирования современного состояния памяти. Наиболее актуальным представляется сформулировать проблему применительно к самой конфигурации празднования Великого Октября. Речь идёт скорее о том, каким образом конструировались и воспроизводились базовые механизмы самого «ритуала» в позднесоветский период с точки зрения идеологического дискурса эпохи, и как они трансформировались в эпоху политических перемен.

Цель работы — в контексте подготовительных и послепраздничных событий исследовать структуру/антиструктуру празднования дня Октябрьской революции на страницах позднесоветских периодических изданий (на материалах г. Томска).

Для выполнения поставленной цели следует разобраться со следующими задачами: 1) выявить общеметодологический базис, позволяющий представить релевантную интерпретацию; 2) рассмотреть тексты выбранных периодических изданий; 3) определить общую картину сочетаний структуры и антиструктуры празднования.

При определении территориальных рамок исследования автор руководствовался не изученностью материалов Томска применительно к указанному периоду и тематике.

Важным исследованием в области советской исторической политики является труд Мальте Рольфа [2], тем не менее автор уделяет внимание скорее общесоюзному контексту в более ранний период. Примером локализованного исследования данной тематики является работа С. Н. Шаповалова на материалах Краснодарского края и Ростовской области [3].

Хронологические рамки исследования — 1968 — 1984 гг. При определении нижней границы сошлёмся на Алексея Юрчака, который указывает на этот период как на символическое разделение «оттепели» и «застоя» (из-за ввода Советских войск в Чехословакию) [4, с. 86]; верхняя граница обусловлена новой рамкой, которая разделяет «застой» от «перестройки». Понимание термина «позднесоветский» в настоящей работе обусловлено ссылкой на Юрчака, который использует его в качестве альтернативы понятию «советский режим», вводящего читателя в заблуждение бинарных оппозиций [4, с. 38].

Источниковая база работы представлена тремя периодическими изданиями города Томска в

указанный период: 1) Газета «Красное знамя» (издаваемая органом Томского областного комитета КПСС и областного Совета депутатов трудящихся; средний тираж в изучаемых хронологических рамках ок. 140 тыс. экз.; являлась ежедневным изданием); 2) Газета «Молодой Ленин» (издаваемая органом Томского обкома ВЛКСМ; средний тираж в указанный период неизвестен; выходила трижды в неделю); 3) Газета «За Советскую Науку!» (издаваемая от парткома, комитета ВЛКСМ, ректората, месткома, и профкома Томского ордена Трудового Красного знамени государственного университета им. В. В. Куйбышева; средний тираж в указанный период ок. 1 тыс. экз.; выходила 4 раза в месяц). Все представленные издания выпускались в томской типографии № 2 издательства «Красное знамя».

Теоретические основания. В качестве общего методологического базиса данного исследования используются основные научные изыскания относительно изучения функционирования позднесоветского идеологического дискурса и производства различных языковых форм официального высказывания. Речь идёт о дискуссии между Алексеем Юрчаком и Кэролайн Хамфри. С точки зрения Юрчака, позднесоветский идеологический дискурс (после смерти Сталина) приобрел статичную форму, поскольку была утрачена возможность «творческого» комментирования политической ситуации в результате потери возможности метадискурсивной критики любого идеологического высказывания [4, с. 90 — 164]. Опираясь на теорию речевых актов Джона Остина [5], Юрчак интерпретировал сложившуюся ситуацию советского дискурса через концепцию перформативного сдвига. По его мнению, идеологический язык позднесоветской эпохи потерял возможность осуществления констатирующей (референциальной) функции языка, смысл которой сводится к описанию существующей ситуации в различных областях жизни государства. Определяющей стала перформативная функция, позволяющая пространству гегемонии формы регулярно создавать новые параметры социальной реальности. По мнению исследователя, в отличие от людей, которые создавали советский идеологический текст строго по существующим канонам без возможности его творческой интерпретации, советский обыватель получил возможность не обращать внимания на буквальный смысл идеологических установок системы, что, соответственно, содействовало возможности рождения новых смыслов. Подобные новые смыслы позволяли последнему советскому поколению находиться в пространстве «внезаходимости», то есть быть причастными к идеологическим практикам системы (выполняя заданную форму) и не реагировать на эти практики в области смысловой составляющей.

Кэролайн Хамфри решительно не согласилась с Юрчаком относительно точного следования устоявшимся правилам подготовки идеологического текста. Хамфри настаивала на рассмотрении не только готового текста, который мы можем наблюдать на страницах периодических изданий, речах политиков и т. д., а изучать процесс конструирования политического высказывания на уровне внутрипартийных дискуссий и функционировании чиновников в контексте всех их жизни. В работе «The 'Creative Bureaucrat'...» исследователь занималась всесторонним изучением личной и политической биографии Георгия Лукича Смирнова, а также использовала воспоминания других чиновников ука-

занного периода [6]. Она пришла к выводам, что советский «конструктор» текстов невысокого ранга находился в особом отношении «дистанции-подчинения» по отношению к своему руководителю (в оригинальном тексте — «patron»). В рамках указанной «дистанции» чиновник пользовался особой стратегией «мимесиса» по отношению к своему руководителю, пытаясь подстраиваться под его стиль письма, а также ввиду цели установления «интертекстуальной» («supertextual») связи между идеологическими репрезентациями и повседневным языком. Стратегия мимесиса в процессе конструирования идеологического высказывания сочетала несочетаемые языковые направления, что и создавало «дубовый» язык, однако эта парадоксальная (не)сочетаемость создавала пространство для выхода несоответствующих идеологическому языку элементов, что Хамфри называет пространством для «творчества». По её мнению, именно в этой реляционной среде партийный идеал «творчества», который имеет основополагающее значение для бюрократического субъекта, мог сыграть свою роль: придать импульс возможной инновации, которая порождена конфликтом во внутривнутрипартийной среде.

В рамках существующей историографической дискуссии мы сталкиваемся с двумя совершенно различными подходами и, на первый взгляд, абсолютно несопоставимыми выводами. Тем не менее автор настоящего исследования осуществляет попытку приведения к общему знаменателю двух представленных концепций на основании локально-историко-антропологического сюжета.

Следует также объяснить некоторый локальный методологический базис, который имеет определяющее значение в рамках представленной работы.

Исследовательская логика изучения советских идеологических репрезентаций относительно празднования дня Октябрьской революции построена на противопоставлении структуры и антиструктуры ритуального действия, предложенного в историографии Виктором Тёрнером [7]. Согласно данной дихотомии, структура представляет собой некую особую конфигурацию правил повседневной реальности, а антиструктура (в том числе в контексте любого празднования) является платформой порождения несоответствия обыденному течению жизни, которая в конечном итоге возвращает искаженное понимание реального через призму разрушения «нормального» в обратное состояние структуры (то есть реальности). В устойчивом противопоставлении структуры и антиструктуры определяющим значением надлено состояние «лиминальности», то есть это модус субъекта ритуального действия, характеризуемый Тёрнером как положение «ни здесь ни там, ни то ни сё; ... в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [7, с. 169].

В рассматриваемом нами сюжете понятие лиминальности имеет крайне неоднозначное, хотя и определяющее значение. Антропологи Л. А. Абрамян и Г. А. Шагоян дополняют противопоставление структуры/антиструктуры Тёрнера, предлагая дополнительную составляющую празднования седьмого ноября — гиперструктуру, суть её сводится к единой сверхсжатой модели советского общества, которая в контексте одного отдельно взятого дня празднования выполняет функцию воспроизводства идеологизированной реальности [8]. Данная терминологическая конструкция подвергается

частичному пересмотру в рамках настоящего исследования, однако является одной из важнейших составляющих общей картины выбранной концептуальной линии описания.

Общая теоретико-методологическая оптика этого исследования также дополняется фрагментарным использованием «теории дискурса» Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф [9], общими логическими дополнениями Славоя Жижека (в контексте его интерпретации лакановских графов желания) [10], также во внимание принимается концептуализация «коммуникативного события» Эдмундом Личем в рамках логики функционирования различных ситуаций, возникающих в зависимости от представленных контекстов взаимоотношений «коммуникативной пары» [11, с. 18–24].

Основная часть. Согласно дополнению к дихотомии Тёрнера, Абрамян и Шагоян осмыслили празднование седьмого ноября с точки зрения противопоставления скорее не структуры и антиструктуры, а гиперструктуры и антиструктуры. Следует более детально пояснить о чём идёт речь.

По мнению исследователей, советская демонстрация отличалась от классического ритуального действия тем, что структура идеологических правил шествия в позднесоветский период обрела строгую форму, выраженную в модели всего советского общества посредством его сжатого отображения. То есть во время демонстрации можно было увидеть различные социальные группы, выполняющие определенные функции в рамках ритуального действия с помощью деления на армию, трудящихся, в свою очередь разбитых на рабочих, колхозников, работников умственного труда. Каждая из представленных групп выполняла базовую часть формуляра гиперструктуры (это отчетливо видно на материалах периодической печати), то есть демонстрировала посредством плакатов и лозунгов о своих достижениях в представляемой отрасли, конкурируя с другими подобными колоннами. Именно в таком ключе полностью проходила праздничная демонстрация. Антиструктура проявлялась только после того, как заканчивалась основная формализованная часть и увозилась вся базовая атрибутика, колонны превращались в отдельные небольшие группы людей, которые переходили в «состояние, осторожно именовавшееся властями “народным гуляньем”» [8, с. 37–38]. Таким образом, по мнению авторов, советская изначальная структура возвращалась в устойчивое изначальное состояние не императивно, а посредством попыток властей погасить антиструктуру и добавлением строгих формальных правил празднования. Описанная логика частично соответствует конъюнктуре советского идеологического дискурса, описанной Юрчаком через ситуацию перформативного сдвига. Однако в данной статье предлагается отличная позиция, хотя и в контексте уже разработанного понятийного аппарата.

Поскольку настоящий текст является лишь частью большего по объёму исследования, не представляется возможным на изученном массиве материала рассмотреть каждую деталь идеологических нарративов. Тем не менее важнее отследить общий формуляр празднования, который отражался в периодической печати, начиная от подготовки, заканчивая структурой представленных отчётов о проведенном мероприятии. Ещё одним важным допущением применительно к настоящей статье является пояснение относительно того, что газета «Молодой Ленин» по большей части выпускала

тексты, показывающие деятельность комсомольской организации и уделяла гораздо меньше внимания дню Октября, что подтверждается тем фактом, что даже в октябрьские дни на страницах издания можно увидеть отголоски празднования дня рождения комсомола [см. пример — 12, с. 3]. Тем не менее в некоторых ситуациях газета может использоваться в качестве дополнительного материала, иллюстрирующего общую форму «Красного знамени».

Базовая часть исследования состоит из изложения основной формы, сопровождающей всю структуру празднования. Относительно используемой терминологии, речь идёт о гиперструктуре дня Октября. Важнейшим источником является газета «Красное знамя», которая в позднесоветский период была самым массовым томским периодическим изданием и отражала основные тенденции конструирования идеологического высказывания на своих страницах. Неудивительно то, что тезис Юрчака относительно интертекстуальности основных положений, посвященных самому ритуалу, повторялся из года в год, если рассматривать общую конъюнктуру.

Были проанализированы выпуски газет после 25 октября и до 14 ноября (то есть 3-недельный промежуток). Подготовительные репрезентации к празднику начинали появляться в исследуемый период приблизительно с 4 по 6 ноября. Смысл статей в этот период был посвящен, как правило, подтверждению верности выбранного пути посредством утверждения каких-либо социально-экономических, культурных или внешнеполитических достижений (которые проявлялись через поздравления или подготовку к празднику иных государств) [примеры статей — 13, с. 2; 14, с. 3; 15, с. 1]. В настоящий период также является характерной крайне любопытная деталь: накануне подготовки к дню Октября периодически появляются статьи, которые направлены на искоренение «неуспешной» деятельности ко дню рождения Ленина, который должен праздноваться только в апреле следующего года [16, с. 3; 17, с. 1]. Данный факт пишется также в логику рассуждений Алексея Юрчака в отдельной статье «The canon and the mushroom ...» [18, с. 182], в которой автор обосновывает мысль о том, что день рождения Ленина в поздний период СССР был важнейшим государственным праздником, а в 1990 году наблюдалась тенденция возвращения к наибольшему почитанию дня его смерти, а не рождения. Относительно анализируемых в данной статье газет, упоминания о дне рождения Ленина в предноябрьский период исчезают с 1986 года.

Следующая часть обладала ещё более однообразным набором репрезентативных форм. Речь идёт о самом праздновании дня Октябрьской революции. Постоянство проявлялось, например, в постановлениях, направленных на награждение кого-либо за «выдающиеся заслуги» [19 с. 3; 20, с. 2; 21, с. 4], а также в графическом и фотографическом материалах (однако мы не будем рассуждать об устойчивости использования графических форм, поскольку планируем посвятить этому вопросу отдельную работу).

Для данного исследования наибольший интерес представляют формы передовиц и структура изложения основных действий праздника как в Москве, так и в Томске. Приведём некоторые примеры проанализированных передовиц:

«Радостно, торжественно отметил советский народ 53-ю годовщину Великого Октября.»

Верность ленинским заветам, непоколебимое единство и сплоченность вокруг родной партии, решимость отдать свои силы борьбе за торжество коммунизма, достойно встретить XXIV съезд КПСС продемонстрировали вчера трудящиеся Родины» [22, с. 1].

«Торжественно и радостно отметил наш народ 55-ю годовщину Великого Октября. Многонациональная советская семья ещё раз продемонстрировала свое единение, свою верность ленинской партии коммунистов, свою решимость добиться новых побед в соревновании в честь полувекового юбилея Союза ССР» [23, с. 1].

«Торжественно и радостно отметил наш народ 56-ю годовщину Великого Октября. Многонациональная советская семья ещё раз продемонстрировала свое единение, свою верность ленинской партии коммунистов, свою решимость добиться новых побед в коммунистическом строительстве» [24, с. 1].

«Празднование 66-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции стало яркой демонстрацией единения партии и народа, их решимости отстаивать мир на земле» [25, с. 1].

Обозначенные примеры типичны, что можно увидеть даже по структуре приведённых отрывков. Рассуждая в рамках понятий «теории дискурса» Лаклау и Муффа, можно обозначить несколько базовых элементов дискурсивной системы. Коммунизм сам по себе, как конечная цель движения советского государства, является «узловой точкой», которая создает строгую конфигурацию всех остальных базовых дифференциальных элементов (партия, Ленин, народ, мир и т. д.), включенных в идеологическое поле [9, с. 113] посредством установления логики эквивалентности между ними. Однако такие партикулярные элементы, как «единство партии и народа» и «Ленин» в логике дифференциации по отношению к капиталистическому Западу, создавали новые цепочки эквивалентности, на время занимая позицию узловой точки. Дополнительное подтверждение высказанного тезиса можно увидеть и в других частях идеологического текста, посвященного празднованию Октябрьской революции, например, фрагменты из речей министра обороны СССР Д. Ф. Устинова:

«Советский народ неутомимо поддерживает деятельность Центрального комитета КПСС ... направленную на претворение в жизнь ленинского курса» [26, с. 1].

«Советские люди горячо одобряют и единодушно поддерживают внутреннюю и внешнюю политику партии ...» [27, с. 1].

Стоит также отметить, что, несмотря на некоторые тенденции к формированию отношений гегемонии внутри советского идеологического дискурса, автор настоящей работы солидаризируется с Алексеем Юрчаком в вопросах невозможности референции и статичности системы в целом, поскольку именно указанные элементы образуют строго формализованную цепочку «господствующих означающих». При этом хотелось бы поставить некоторый вопрос относительно возможности включения при подобном роде подходе такой идеологемы, как «народ» (или «единство партии и народа») в качестве дополнительного элемента, выполняющего временную роль «узловой точки». Тем не менее приведённые данные слишком партикулярны, поэтому для решения поставленного вопроса стоит расширить источниковую базу.

Также представляется значимым отметить крайне важную деталь логики празднования, а именно отчётные тексты относительно Москвы и Томска. В целом, рассмотренные нами тексты полностью вписываются в строгий контекст гиперструктуры, поскольку отчёт о демонстрации в Москве, в рассматриваемый период, всегда в точности описывает самые значимые события и речи на Красной площади, а также во Дворце съездов [28, с. 1–3; 29, с. 1–2]. Относительно празднования в Томске ситуация повторяется, только меняется территория действия. Соответственно, из года в год повторяются одни и те же локации, структура фотографий, освещение лозунгов и плакатов присутствующих, но что более важно — нарративные конструкции.

В таком смысле, следует заключить, что Абрамян и Шагоян весьма точно описывали функционирование так называемой гиперструктуры советского празднования дня Октябрьской революции.

Тем не менее наиболее важным для нас является вопрос относительно антиструктуры, а также — общей картины ритуального действия празднования. Напомним, что Абрамян и Шагоян высказали мысль о том, что указанный элемент процесса проявлялся уже после окончания действия гиперструктуры, но уже в неформальной (личной) обстановке. Стоит отметить, что выбранный для анализа спектр источникового материала представляет крайне ограниченные данные для интерпретации в контексте обозначенных теоретических рассуждений. По большей части газетные статьи являются репрезентативными относительно исследования складывающейся гиперструктуры празднования и приведенные выше рассуждения следует продолжать, привлекая более разнообразный эмпирический материал для последующей детализации теоретической конструкции, в которую удачно вписывается исследуемый процесс. Но даже в таком историческом материале, как периодическая печать, следует обозначить некоторые антиструктурные элементы, которые, вопреки мнению Абрамян и Шагоян, проявлялись не после распада гиперструктуры празднования. Приведём следующие примеры:

«В рядах царит праздничное оживление. Не смокают песни, шутки. Идет молодость города. Идут студентки университета...» [30, с. 2].

«Казалось, сама природа решила подарить отличное, праздничное утро 7 ноября томичам. Украшенные флагами и транспарантами, цветами и плакатами, шли по нарядному городу колонны демонстрантов. И в первых рядах — боевой отряд студенчества. Не смолкали над колонной песни, танцы, музыка, смех...» [31, с. 1].

«И обязательно где-то колонна остановится, дожидаясь своей очереди. И это не беда, потому что на этот случай припасены и массовая «летка-енька», и сибирский «твист» (в сапогах и шубах), и гетсаговский «каравай» (все хором вспоминают слова). И не случайны эти «воспоминания детства»; в радости даже совсем серьезные люди становятся немного детьми. Остановка кончена. Снова звучит оркестр, колонны снова движутся» [32, с. 1–2].

Представленные фрагменты можно дополнить воспоминаниями в газетах поздней перестройки. Приведём один из примеров:

«Задним числом, вспоминая и свои хождения в праздничный народ вместе с мамой, я понимаю, что люди тогда собирались не для того, чтобы прокричать «Да здравствует!», и не для того, чтобы крупными цифрами написать на транспарантах

о своих достижениях. Это были своеобразные массовые гулянья. С детьми и внуками мужчины и женщины шли в центр города себя показать и на людей поглядеть. Шары, яркие, хоть и бумажные, цветы, мороженое по пути следования, музыка, отсутствие транспорта на главной улице создавали атмосферу праздника. Утром наглаживание одежды, вечером — гости и «активный» отдых». ... Призывов ЦК КПСС перед пролетарскими праздниками становилось все меньше, да и звенели они над трибунами, не особенно задевая мысли миллионов» [33, с. 1].

Последнее предложение из приведенной цитаты очень точно показывает логическую взаимосвязь между формализованной структурой празднования (гиперструктурой) и механизмами некоторого «творчества» в среде советских обывателей. Формулировка «Остановка кончена. Снова звучит оркестр, колонны снова движутся» также является определяющей. Дело в том, строгая формализация гиперструктуры, а соответственно, и правил поведения на демонстрации, удачно дополняет идею Юрчака о статичности идеологического дискурса. Вопреки мнению Абрамян и Шагоян, гиперструктура не была сжатой моделью советского общества и не отражала её идеологическую действительность, поскольку сам язык эпохи не имеет возможности создания двусторонних референциальных отношений. В терминологии Славоя Жижека настоящий феномен имеет смысл интерпретировать как «гипнотический голос». Жижек таким образом объясняет сущность данного феномена: «это то, что остается, если из означющего вычтешь операцию «пристегивания» ... если постоянно повторять одно и то же слово, оно совершенно лишается смысла. Остается только инертное наличие, обладающее усыпляющей гипнотической силой» [10, с. 108–109]. Автоматически образуемый «гипнотический голос» в советских реалиях имеет смысл приравнять к репрезентациям, которые производила позднесоветская идеологическая идентичность, поскольку анализируемые нами примеры были направлены на фактическое воспроизводство императивов.

Творческий аспект антиструктурного акта празднования имел под собой логические основания пространства венаходимости, в рамках которого советский обыватель находился внутри идеологического дискурса и в то же время пользовался констатациями реальности других контекстов. Однако, стоит также обозначить и тот факт, что идея Кэролайн Хамфри относительно «миметической стратегии» конструирования текста и пространства «творческой» инициативы также находит отражение в анализируемых нами примерах, поскольку существующее пространство регулярной ретрансляции одних и тех же нарративов создавало параллельную себе систему значений, примером которой является как раз принципиально иное восприятие праздничного действия в отличие от структурных и гиперструктурных логик.

Заключение. В настоящем исследовании изначально ставился вопрос относительно функционирования базовых механизмов праздничного (ритуального) действия. В ходе анализа теоретических и практических аспектов выдвинутой проблематики, осуществлялась попытка рассмотрения общих конфигураций гиперструктуры и антиструктуры празднования дня Октябрьской революции и их взаимодействие между собой. Было выявлено, что официальный порядок действия вписан в общую

логику идеологического дискурса, который приобрел гипертекстуальные формы репрезентаций. Антиструктура образовывалась, вопреки мнению Абрамян и Шагоян, не после окончательного распада гиперструктурных правил действия, а в синтезе с ними. Безусловно, приведенные примеры относительно «творческой» интерпретации праздничного процесса не являются уникальными в исследовательской литературе, посвященной данному периоду. Тем не менее следует подчеркнуть, что полученные эмпирические данные также имеют смысл интерпретировать посредством логики метонимического и метафорического высказывания Эдмунда Лича [11, с. 23–24]. При таком подходе становится понятным, что гиперструктура седьмого ноября в позднесоветской действительности основана на устойчивых высказываниях-метонимиях, смысл которых сводится к регулярному воспроизводству статичности идеологического дискурса; а гиперструктура образована метафорическими формами коммуникации, поскольку базируется на творческих компиляциях актов различных контекстов, которые напрямую не связаны с самим «ритуальным» действием. Тогда не совсем ясна роль самой структуры, особой системы реальности советского общества, которая по определению должна предшествовать и гиперструктуре, и антиструктуре.

Однако полученные данные свидетельствуют о том, что «структура» являлась скорее метаконструкцией, которая объединяла в себе и гипер- и антиструктуры празднования, поскольку их постоянные взаимосвязи не порождали конфликтной ситуации, при которой распадался бы сам ритуал. Такое заключение позволяет понять, что именно компиляция практики «официального» и «неофициального» действия представляет собой саму сжатую модель советской реальности. Лиминальное состояние ритуала, которое по определению способствует очищению структуры через её противоречия и возвращение к изначальной структуре, просто отсутствовало в процессе демонстрации, посвященной дню Октябрьской революции.

Главным выводом данного исследования является мысль о том, что празднование седьмого ноября в позднесоветский период не обладало противопоставленными друг другу логиками дифференциации и эквивалентности, поскольку самая реальность отражалась в празднике посредством слияния «официального» и «неофициального». Именно в таком ключе, на наш взгляд, следует искать ответы на вопросы относительно дискуссий по поводу коммеморативных практик Октября, появившихся в начале 1990-х гг., которые спустя непродолжительное время образовали пространства «травмы» и «ностальгии». Тем не менее хотелось бы подчеркнуть, что на настоящий момент работа в данном направлении ведётся посредством расширения эмпирической базы исследования и обращением к источникам других видов (протоколы партсобраний, фотографии, источники личного происхождения и т. д.), поскольку материалы периодической печати крайне ограничены рамками статичности существовавшего идеологического дискурса.

Библиографический список

1. Великий Октябрь: как томские политики оценивают последствия революции. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/129356> (дата обращения: 03.09.2019).

2. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОС-СПЭН, 2009. 439 с. ISBN 978-5-8243-1086-3.

3. Шаповалов С. Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг.: на материалах Краснодарского края и Ростовской области: дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2011. 241 с.

4. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

5. Остин Дж. Как производить действия с помощью слов // Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. 332 с. ISBN 5-7333-0010-8.

6. Humphrey C. The 'Creative Bureaucrat': Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia. 2008. Vol. 10, no. 1. P. 5–35. DOI: 10.1163/00000008793066803.

7. Тёрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура // Символ и ритуал. М., 1983. С. 104–264.

8. Абрамян Л. А., Шагоян Г. А. Динамика праздника: структура, гиперструктура, антиструктура // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 37–47.

9. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. 2nd ed. London: Verso. 2001. 198 p.

10. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с. ISBN 5-901116-01-1.

11. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии: пер. с англ. М.: Издат. фирма Восточная литература РАН, 2001. 142 с.

12. И бороться по Ленину // Молодой Ленинец. Томск, 1973. 3 ноября. С. 3.

13. Говорит Красная площадь // Красное знамя. Томск, 1975. 5 ноября. С. 2.

14. О чём пишут газеты мира // Красное знамя. Томск, 1981. 4 ноября. С. 3.

15. Под знаменем Октября // Красное знамя. Томск, 1969. 6 ноября. С. 1.

16. Архитектор нового мира // Молодой Ленинец. Томск, 1969. 7 ноября. С. 3.

17. К юбилею без отстающих // Красное знамя. Томск, 1969. 5 ноября. С. 1.

18. Yurchak A. The canon and the mushroom. Lenin, sacredness, and Soviet collapse // Hau: Journal of Ethnographic Theory. 2017. Vol. 7, no. 2. P. 165–198.

19. За выдающиеся достижения в труде // Красное знамя. Томск, 1984. 8 ноября. С. 3.

20. За победу в соревновании // Красное знамя. Томск, 1968. 10 ноября. С. 2.

21. Томичи — Октябрю, Октябрь — томичам // Красное знамя. Томск, 1977. 8 ноября. С. 4.

22. Красное знамя. Томск, 1970. 8 ноября.

23. Красное знамя. Томск, 1972. 9 ноября.

24. Красное знамя. Томск, 1973. 8 ноября.

25. Красное знамя. Томск, 1983. 8 ноября.

26. Красное знамя. Томск, 1978. 8 ноября.

27. Красное знамя. Томск, 1981. 7 ноября.

28. Красное знамя. Томск, 1982. 8 ноября.

29. Молодой Ленинец. Томск, 1977. 7 ноября.

30. За советскую науку. Томск, 1974. 4 ноября.

31. За советскую науку. Томск, 1982. 11 ноября.

32. С праздничными колоннами // За советскую науку. Томск, 1968. 14 ноября. С. 1–2.

33. России нужен праздник // Красное знамя. Томск, 1991. 7 ноября. С. 1.

МОИСЕЕНКО Арсений Дмитриевич, магистрант гр. 031811 факультета исторических и политических наук.

SPIN-код: 6294-0944

AuthorID (РИНЦ): 986406

ORCID: 0000-0003-4640-1080

Для цитирования

Моисеенко А. Д. Структура / антиструктура празднования дня Октябрьской революции на страницах позднесоветских

Статья поступила в редакцию 21.10.2019 г.
© А. Д. Моисеенко

UDC 930.2+070"19"
DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-51-58

A. D. MOISEENKO

National Research
Tomsk State University,
Tomsk, Russia

THE STRUCTURE / ANTI-STRUCTURE OF OCTOBER REVOLUTION CELEBRATION ON LATE SOVIET PERIODICAL PRESS (ON MATERIALS FROM TOMSK)

The celebration of the October Revolution in the late Soviet period (1968–1984) is explored in this article. The empirical ground of the research is based on materials from the Tomsk periodical press. The theoretical foundations fit into the framework of the historiographic discussion between Aleksey Yurchak (the concept of the performative shift of ideological discourse) and Caroline Humphrey (the idea of a «creative» initiative based on the mimesis strategy). The holiday context is studied through the triad «structure—hyperstructure—anti-structure», which explains the stages of the celebration that existed during the researching period. The author poses the problem of the logic of constructing and reproducing the basic mechanisms of celebratory action on local material. Actualization of the research is considered through the situation of the modern status of commemorative spaces of «trauma» and «nostalgia» regarding the events of the October Revolution. The main research conclusions are related to determining the boundaries of the triad of celebratory actions and utterances under consideration. According to the source material, the combination of mechanisms for the implementation of hyperstructure and anti-structure of the celebration of the October Revolution Day reproduced the basis of the celebration — «structure» (which, by definition, should be a reflection of Soviet reality itself). So, the late Soviet celebration of the October Revolution did not reflect the principles of the classical «ritual process» (according to V. Turner).

Keywords: History of USSR, Day of the Great October Socialist Revolution, structure of celebration, discourse, ideology, newspapers, Tomsk.

References

1. Velikiy oktyabr': kak tomскиye politiki otsenivayut posledstviya revolyutsii [The October Revolution: how Tomsk politicians appreciate the consequences of the revolution]. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/129356> (accessed: 03.09.2019). (In Russ.).
2. Rol'f M. Sovetskiye massovyye prazdniki [Soviet public holidays]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 439 p. ISBN 978-5-8243-1086-3. (In Russ.).
3. Shapovalov S. N. Istoricheskaya transformatsiya rossiyskikh (sovetskikh) gosudarstvennykh prazdnikov v 1917–1991 gg.: na materialakh Krasnodarskogo kraya i Rostovskoy oblasti [The historical transformation of Russian (Soviet) state holidays in 1917–1991: on the materials of Krasnodar and Rostov Regions]. Krasnodar, 2011. 241 p. (In Russ.).
4. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye [Everything Was Forever Until

It Was No More. The Last Soviet Generation] / pref. A. Belyayeva; trans. from Engl. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014. 664 p. (In Russ.).

5. Austin J. Kak proizvodit' deystviye s pomoshch'yu slov [How to do things with words] // Izbrannoe [Selected Works]. Moscow, 1999. 332 p. ISBN 5-7333-0010-8. (In Russ.).
6. Humphrey C. The 'Creative Bureaucrat': Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia. 2008. Vol. 10, no. 1. P. 5–35. DOI: 10.1163/00000008793066803. (In Engl.).
7. Turner V. Ritual'nyy protsess. Struktura i anti-struktura [The Ritual Process: Structure and Anti-Structure] // Simvol i ritual [Symbol and ritual]. Moscow, 1983. P. 104–264. (In Russ.).
8. Abramyan L. A., Shagoyan G. A. Dinamika prazdnika: struktura, giperstruktura, anti-struktura [Festivity dynamics: structure, hyper-structure, anti-structure] // Etnograficheskoye obozreniye. *Etnograficheskoye Obozrenie*. 2002. No. 2. P. 37–47. (In Russ.).

9. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. 2nd ed. London: Verso. 2001. 198 p. (In Engl.).
10. Zizek S. Vozvyshenny ob'yekt ideologii [The sublime object of ideology]. Moscow: Hudozhestvennyj zhurnal Publ., 1999. 236 p. ISBN 5-901116-01-1. (In Russ.).
11. Leach E. Kul'tura i kommunikaciya: Logika vzaimosvyazi simbolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v social'noj antropologii [Culture and communication: The logic by which symbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology: trans. from Engl.]. Moscow, 2001. 142 p. (In Russ.).
12. I borot'sya po Leninu [And fight according to the precepts of Lenin] // Molodoy Leninets. *Molodoy Leninets*. Tomsk, 1973. November 3. P. 3. (In Russ.).
13. Govorit Krasnaya ploshchad' [Red Square informs] // Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1975. November 5. P. 2. (In Russ.).
14. O chom pishut gazety mira [What do the newspapers of the world write about] // Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1981. November 4. P. 3. (In Russ.).
15. Pod znamenem Oktyabrya [Under the banner of October] // Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1969. November 6. P. 1. (In Russ.).
16. Arkhitekto novogo mira [The architect of the new world] // Molodoy Leninets. *Molodoy Leninets*. Tomsk, 1969. November 7. P. 3. (In Russ.).
17. K yubileyu bez otstayushchikh [For the anniversary without falling behind] // Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1969. November 5. P. 1. (In Russ.).
18. Yurchak A. The canon and the mushroom. Lenin, sacredness, and Soviet collapse // *Hau: Journal of Ethnographic Theory*. 2017. Vol. 7, no. 2. P. 165–198. (In Engl.).
19. Za vydayushchiesya dostizheniya v trude [For outstanding achievements in the work] // Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1984. November 8. P. 3. (In Russ.).
20. Za pobedu v sorevnovanii [For winning the competition] // Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1968. November 10. P. 2. (In Russ.).
21. Tomichi — Oktyabryu, Oktyabr' — tomicham [Tomsk citizens to October, October to Tomsk citizens] // Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1977. November 8. P. 4. (In Russ.).
22. Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1970. November 8. (In Russ.).
23. Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1972. November 9. (In Russ.).
24. Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1973. November 8. (In Russ.).
25. Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1983. November 8. (In Russ.).
26. Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1978. November 8. (In Russ.).
27. Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1981. November 7. (In Russ.).
28. Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1982. November 8. (In Russ.).
29. Molodoy Leninets. *Molodoy Leninets*. Tomsk, 1977. November 7. (In Russ.).
30. Za sovetkuyu nauku. *Za Sovetskuyu Nauku*. Tomsk, 1974. November 4. (In Russ.).
31. Za sovetkuyu nauku. *Za Sovetskuyu Nauku*. Tomsk, 1982. November 11. (In Russ.).
32. S prazdnichnymi kolonnami [With holiday columns] // Za sovetkuyu nauku. *Za Sovetskuyu Nauku*. Tomsk, 1968. November 14. P. 1–2. (In Russ.).
33. Rossii nuzhen prazdnik [Russia needs a holiday] // Krasnoye znamyaya. *Krasnoye Znamya*. Tomsk, 1991. November 7. P. 1. (In Russ.).

MOISEENKO Arseniy Dmitrievich, Undergraduate of Historical and Political Sciences Department, gr. 031811.
 SPIN-code: 6294-0944
 AuthorID (RSCI): 986406
 ORCID: 0000-0003-4640-1080
 ResearcherID: Z-1302-2018
 Address for correspondence: moiseenkoarseny@gmail.com

For citation

Moiseenko A. D. The structure / anti-structure of October Revolution celebration on late Soviet periodical press (on materials from Tomsk) // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 4. P. 51–58. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-51-58.

Received 21 October 2019.
 © A. D. Moiseenko